

**ФОРМУЛА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АНТОНА ЧИЖА**

**АНТОН
ЦИЖЖ**

МЕРТВЫЙ ШАР

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Чиж, Антон.

Ч-59 Мертвый шар / Антон Чиж. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-162218-3

Когда в тазу с вареньем зажиточный петербургский помещик-ловелас Нил Бородин находит чей-то глаз, он и не подозревает, что это только начало бедствий, которые постигнут его семью. Расследовать это странное происшествие призван молодой и харизматичный чиновник полиции Родион Ванзаров. Распутывая клубок семейных тайн Бородина, Ванзаров сталкивается не то с древним роком, не то с хитро продуманным планом маньяка, решившего одну за другой убить всех женщин, милых сердцу помещика...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162218-3

© Чиж А., текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Биллиардная игра во многом отличается от всех других игр. Это единственное развлечение, которое соединяет приятное с полезным. Приятность биллиардной игры заключается в том, что играющий, отвлекаясь от повседневных мелочей и дразг, отдается на некоторое время благородному чувству спортивного соревнования с другими в ловкости, быстроте, сообразительности и приятному для себя зрелищу, как пущенный им шар, точно живой, исполняет его поручения: бьет других шаров и заставляет их, в свою очередь, исполнять волю своего господина и, сделав свое дело, становиться на том именно месте, которое заранее мысленно определено игроком.

Школа и правила биллиардной игры по методе знаменитого русского игрока С. Ф. Докучаева, Покровского и других. СПб., 1899

• КИКС

Биллиард хотя с виду и представляет собой простой и для всех понятный инструмент, но в глубине своей простоты он хранит многие и многие тайны.

Школа и правила бильярдной игры по методу знаменитого русского игрока С. Ф. Докучаева, Покровского и других. СПб., 1899

• 1 •

Как известно, кочевые племена шли на Европу за новыми впечатлениями и свежими женщинами. Трудно осуждать их за это. Ну какие развлечения в степях? Тоска кругом. А дамского населения и вовсе недостатка. Где, скажите, найти в степи хоть какую-нибудь барышню, не то что хорошенькую? Кобылы, телки да ковыль. Так что кочевников гнала с насиженных пастбищ не историческая миссия, а чисто практическая задача: развлечься пожарищами завоеванных городов, заодно присмотрев себе двух-трех жен или рабынь.

Но вот какая зараза обращает городских жителей в толпы странников и гонит на дачу, науке неизвестно. За городом впечатлений никаких: комары и грязь те же, что в городе. Что же касается ловли жен на лоне природы, то уже имеющиеся супруги заранее отно-

сятся к невинным развлечениям без должной широты взглядов. Однобоко и неласково относятся, прямо скажем. Одним словом, делать ныне цивилизованному человеку на даче нечего. Сиди дома перед окошком, вдыхай испарения, глотай пыль и будь счастлив.

И все же доводы рассудка еще никого не остановили. Каждый май отцы семейств возглавляют набеги хищных домохозяев на близлежащие мирные поселения, в которых расселяются со всем скарбом, детьми, собаками и запасами, чтобы потом три месяца кряду каждое утро отправляться на службу в переполненных поездах, а вечером спешить обратно в такой же сутолоке.

Но за любое счастье наступает расплата. Приходит август, а с ним и конец дачного сезона. И тогда обыватель петербургский обращается в рыбешку, которую затянула сеть. Рыбешки мечутся в ужасе, копошатся, тычутся из стороны в сторону, но спасения нет — невод тянет за собой.

Обыватель петербургский обязан разыскать и снять новую квартиру, с тем чтобы семейство пережило бури и морозы под надежной крышей до новой весны. Обязан он к тому же разыскать достойную школу для подрастающих чад, снабдив оных всем необходимым для грызения знаний. А еще супруге непременно требуется закупить новую мебель, столики, или проклятые шифоньерки, или хоть пару стульев, потому что в августе принято покупать новую мебель, когда же еще. Кроме того, никто не снимал с петербургско-

го обывателя непрременной обязанности разбиться в лепешку, но достать билеты на все модные премьеры и бенефисы предстоящего сезона, иначе обожаемой женошке нечего будет обсуждать с гостями, и всю любовь к искусству она выльет на его и без того виноватую голову. И вот носится несчастный и думает только об одном: как бы опередить таких же рабов долга.

Но что испытания эти по сравнению с восторгом, который дарит август! У загнанного обывателя словно крылья вырастают за спиной, стоит лишь распространиться по столице волшебному аромату, который невозможно ни с чем спутать. Аромат разливается, и вскоре кажется, что нет такого уголка, улицы или подъезда, который не благоухал бы свежесваренным вареньем.

О, варенье! Как много значишь ты для петербургского жителя! В тебе одном находит он упоение и отраду долгими зимними вечерами, когда мороз ломится в окна. В тебе одном обретает успокоение души, когда другого не остается. В тебе одном восторг и сладострастие. Жить без варенья в Петербурге решительно невозможно.

Любите ли вы варенье, как любят его в столице? Нет, вы не любите его так. Нет у вас к нему такой страсти. В каком-нибудь южном городе вроде Москвы, Парижа или Багдада сладости хоть лопатой гребь, всякие лукумы с щербетами. Но в Северной столице нет ничего, кроме варенья. Один местный поэт даже написал строку: «Люблю тебя, Петра ва-

ренье...», но наборщик в типографии перепутал, и вышло «творенье». Так и оставили.

Кто жил в этом мрачном граде, поймет, какое счастье открыть в холода или ненастье баночку, вдохнуть аромат клубники, малины, вишни, земляники, черники, да боже ты мой, еще чего угодно, подцепить ложечкой сахарную ягодку, блестящую драгоценным рубином, отправить в рот и опутить такую негу и вдохновение, такую силу и огонь, какие не описать словами. Никаким джемам, конфитюрам и желе не возбудить подобных волнений. А потому едят варенья в Петербурге столько, что, как обычно, много не бывает. Нет, от варенья невозможно оторваться... А пенка!

Так, что-то увлеклись. Чтобы не изойти сладкой истомой, повторим вслед за стариной Апулеем: «Начнем-ка наши побасенки, внимай, читатель, будешь доволен».

Денек первой половины августа 1895 года, как и полагается, пропитался запахом разнообразного варенья. Кстати, давно уже пора переименовать этот месяц из непатриотичного римско-цезарьского в общеприятный: Варень. Чтоб за Июлем сразу Варень. А там, глядишь, и Сентябрь.

Ну так вот. Жара уступала первым осенним холодкам, прохладный ветерок разносил горячие облака сладкого. Все живое, побросав дела, взялось за медные тазики и мешки с сахаром. Береи и бличницы¹, не раз-

¹ Собираательницы ягод и грибов.

гибая спин, тащили в город полные корзины, а жадное чрево поглощало горы спелостей, требуя новых приношений. Печально, но в столице варенье готовит кто ни попадя. Иногда лучше не знать, как оно готовилось.

Вот, к примеру, Апраксин рынок, обычно торгующий всякой дрянью, превратился в одну большую кухню. Давно не мытые бабы перебирают горы ягод и, не окропив водой, бросают в котлы, никогда не знавшие мыла и скребка. Мешают варенье первой попавшейся под руку палкой, а что там в таз упадет, муха или сопля, уж как придется. И вот такое народное произведение ушлые торговцы скупают прямо с огня, разливают в фунтовые банки, в которых честно помещается три четверти фунта, клеят фасонные этикетки и нагло требуют по тридцати копеек за штуку. Какова дерзость!

Но что поделает петербургскому обывателю: покупает эту сладкую отраву и еще благодарит. А что прикажете: остаться на зиму без варенья? Ведь настоящего — киевского, самого лучшего и душистого — днем с огнем не найти, по какой-то таинственной причине не привезут его в столицу, нет, и все. Кондитерское варенье, что изготавливают фабрики, конечно, прекрасно, но цена кусается. А закупать паточно-глицериновую бурду ягодных маклаков — откровенно страшно. Вот и довольствуется петербуржец-квартирант тем, что предлагают рынки. И ведь любопытно: травятся не так уж часто. Да и то зимой. Может, желудок петербуржца научился переваривать камни? Или привыкли ко всему.

Впрочем, обитателям одноэтажного, но каменного особняка, потонувшего в зелени Крестовского острова, не грозило коротать зиму без варенья. Счастливо расположенный еще в черте города, но уже как бы вне ее, домик имел задний двор, на котором возвышался кирпичный очаг, покрытый прочерневшей жестяной, на которой удобно поместился медный тазик с массивной ручкой, мило побулькивающий и изливающий в окружающую среду аромат кипящего крыжовника. Тут же имелся главный секрет вкусного варенья: кухарка, умеющая его варить. Девушка в простом платье и замызганном переднике неторопливо водила деревянной ложкой по маршруту, в котором «s» превращалось в «z». Выждав одной ей известную минуту, приподняла тазик и хорошенько встряхнула. Вариво сдобно чмокнуло и расплылось. Готово, можно снимать.

Неся посудину двумя руками (все-таки тяжесть), кухарка направилась к ближайшему четырехногому сооружению, в котором меткий глаз распознал бы старый бильярдный стол. Но глаз должен быть метким. Всю поверхность дырявого сукна покрывала батарея пол-литровых баночек, ожидающих варенья, на тарелках грудились стопки бычьих пузырей, промытых и готовых к закупорке, а также восковые бумажки и кружки, пропитанные ромом, которые следует класть под пузырь. Тут же помещались тазики, в которых по киевской методе ягоды пересыпаны мелким сахаром (на 800 граммов — 400, при варке

добавить ложку воды). Рядом с горкой крыжовника собственного урожая возвышались холмики из малины и брусники, сторгованные по грабительской цене у приходящей береи.

Разгоряченный тазик подтолкнул ожидающих собратьев боком и разместился на столе, добавляя когда-то зеленой материи бурый след ожога. Как полагается, обтерев руки об себя, кухарка примерилась к тазу с малиной и уже взялась было за рукоятку, но тут взгляд ее, замутненный кухонной повинностью такого раннего часа, что другие и щеки от подушки не оторвали, вдруг узрел нечто неподобающее на розоватом поле сахара. Поморгав, понадеялась она, что внезапное помутнение схлынет, но немислимая находка и не думала исчезать. Напротив, смотрела нагло и прямо.

Не имея характера столько крепкого, чтобы встречать неожиданность мужественно, кухарка отбросила тазик подальше, расколов три банки; горячее содержимое тастика опрокинулось в траву. И, поскользываясь в варенье, попятилась, уже не владея собой.

Тишину спящего особняка прорезал такой надрывный и жалостливый вопль, что занавески в открытых окнах подернулись рябью. Наконец, потеряв равновесие, кухарка шмякнулась оземь и зашлась пронзительной трелью, которой позавидовал бы паровозный гудок.

Печальное одиночество ее не было долгим. Из дома довольно шустро выскочила пожилая дама. Чтобы заткнуть источник противного звука, при-

крикнула, что на кухарку не произвело впечатления никакого. Кричать она не перестала, только устала палец в пространство. Не найдя ничего заслуживающего столь гадкого визга, дама в ночном облачении строго высказалась о манерах прислуги.

Воздух в легких кухарки как раз удачно закончился, и она смогла наконец издать нечто хрюкающее, в котором различалось слово «таз». Дама шагнула к столу решительно, но, рассмотрев, что водрузилось на горке сахара, бросилась в дом — как видно, за подмогой. Кухарка же осталась в луже варенья.

• 2 •

Искушение слишком навязчиво. В открытое окно проникали непрошенные ароматы малины, ощущался тонкий, но значительный мотив черники, напористо и нагло напирал вихрь смородины, а за ним не отставали крыжовенный, брусничный, кажется, сливовый и даже айвовый. Нет, правда, айва. И откуда взялась? Наверное, привозная, сладкая, медовая...

Оскар Игнатьевич осторожно принюхался, полуприкрыв глаза, и, как истинный знаток, оценил тончайшими нервными окончаниями своего крепкого носа переливы и нюансы свежего варенья. Что делать, даже начальственное присутствие бессильно перед дурманом.

Надо признаться: полковник Вендорф был глубоко неравнодушен к варенью. Не только к нему, в жизни

его были не менее глубокие и пикантные интересы, но каждый август он хищно облизывался, предвкушая, как в ноябре, а если не вытерпит, и в октябре появится на столе заветная баночка, а за ней другая и третья. И так, пока кладовые не опустеют до следующего лета. Даже сейчас, когда полагалось выслушивать посетителя, ничего не мог с собой поделаться. Все внимание было отдано отгадыванию очередного запаха. Кабинет его размещался вдалеке от рынков, где царила вакханалия варки, в начальственном центре столицы – на Большой Морской улице, на которой морем не пахло вовсе, а вот вареньями – сколько угодно.

– Да-да, это очень странно, – кое-как выдавил из себя Оскар Игнатьевич, сообразив, что посетитель уже в третий раз излагает свою историю. Полковник отлично видел, что гостю удастся сохранить выдержку, но испуган он по-настоящему. При кажущейся смехотворности и даже ничтожности возникшего обстоятельства стоило признать, что в нем было что-то странное и неприятное.

Ах да, тут следует кое-что пояснить. Оскар Игнатьевич служил полицеймейстером 1-го отделения Петербурга, то есть был одним из четырех полицейских чинов, выше которых в столице находился только сам градоначальник и директор Департамента полиции. Под властью полковника Вендорфа пребывала четверть всех полицейских участков, охранявших порядок и спокойствие в Петербурге. Остальные три четверти руководились тремя полицеймейстерами других

отделений. Попасть к Оскару Игнатьевичу на прием вот так, запросто, не мог даже средний чиновник, не говоря уже о каком-нибудь пострадавшем. А вот разместившийся в глубоком кресле господин подтянутой наружности, облаченный в роскошный летний костюм, смог. За какие такие заслуги? Значит, были. И все тут.

— Так что же посоветуете? — спросил гость с отчетливой ноткой тревоги в голосе.

Оскару Игнатьевичу очень хотелось посоветовать не забивать голову всякими бреднями, когда нет реальной причины для беспокойства, но он никак не мог это произнести. Ну вот не мог, и все. Потому что таков был гость.

— Думаю, Нил Нилыч, этим делом следует заняться. Возможно, ничего серьезного, но проверить стоит. Нельзя подвергать вас даже призраку опасности.

Визитер как-то сразу расслабился, вольнее развалился в кресле, словно его беду сняло, как пенку ложкой, и уточнил, какие меры следует предпринять.

Это полковник Вендорф и сам не очень представлял. Однако, изобразив на лице концентрированную работу мысли, изрек, начальственно растягивая слова:

— Для такого поручения требуется человек особого склада...

Эту мысль посетитель целиком поддержал, почтительно смолчав, чем вынудил полковника к неизбежному и такому нелюбимому делу — принятию конкретного решения.

— Тут нужен умный и расторопный чиновник.

— Неужели у вас такой есть? — невежливо спросил Нил Нилыч, но Вендорф пропустил шпильку мимо ушей.

— У нас много дельных чиновников, — с тихой гордостью парировал он. — Но вам порекомендую лучшего.

Посетитель затребовал подробности, которые ему выложили незамедлительно. Оказалось, в хозяйстве полковника Вендорфа имеется прямо-таки целое сокровище, не чиновник, а просто золото. Разве что не блестит.

Начать с того, что образование получил отменное, даже несколько более глубокое, чем требуется. Как известно, хороший чиновник должен быть слегка глуповат, чтобы не мешать начальству беззаботно собой руководить. Но этот грех герою простили. Петербургский университет только ленивый не оканчивал, тут не удивишь, а вот удивительно, что от древних греков и римлян он подал прошение в Департамент полиции. Но и там не счел полезным, как другие прилежные господа, заниматься бумагами, карьерой, подсиживанием, услугами начальству и прочей волнующей деятельностью, а взял да и потребовал направить в самое пекло и грязь, а именно в сыскную полицию. Такой поворот привел директора Департамента в замешательство, но, будучи склонен поощрять молодых в набивании шишек, он отправил-таки его в сыскную, наградив статусом чиновника для особых поручений. Заявившись в хозяйство

статского советника Воцинина, молодое дарование было сразу же отправлено куда подальше по причине въедливого характера и неумной жадности совать нос куда совершенно не следует. В результате чего чиновник был сослан в 4-й участок Казанской части формально нести службу от сыскной полиции.

Описав вкратце столь редко встречающиеся ныне свойства, граничащие с глупостью, полковник Вендорф отметил кое-что из личных качеств, бесполезных в таком туманном деле. С его слов выходило, что чиновник этот обладает исключительным упрямством, при этом может быть резок и даже груб, за словом в карман не лезет, а уж если за что-то возьмется, то лоб расшибет, но добьется результата. Причем владеет поразительным умением анализировать и находить невидимые глазу причины и подоплеки. Что отрадно: не скрывает своих карьерных амбиций и явного желания быть лучше всех. Так что в итоге самая подходящая кандидатура для такого «загадочного» дела.

Характеристика произвела впечатление. Нил Нилыч осведомился с почтением:

- Наверное, уже титулярный, не меньше?
- Нет, пока еще коллежский секретарь.
- Сколько же ему?
- Двадцать три года.
- Не слишком ли молод?

«В самом соку!» — уже хотел выпалить полковник, но вовремя спохватился. Все-таки чиновник полиции, а не спелая ягода.

— Совсем недавно ему удалось распутать сложнейшее дело. Можно сказать, вывел на чистую воду опасного убийцу, а другого помог задержать по горячим следам. Прямо-таки дуплетом.

— Ишь ты, шустрый. Значит, не скиксует.

— Не то слово. Такой клапштос заложит — только подивитесь. Если, конечно, есть какого шара играть.

Поклонники русской пирамиды отлично поняли друг друга. Но Нил Нилыч все же поинтересовался: неужели у юноши нет слабости или какого-нибудь завалящего недостатка? Оскар Игнатьевич собрался было посплетничать, но вовремя сдержался: посетитель мог неправильно понять. Или, вернее, принять на свой счет.

Дело в том, что единственным недостатком юного коллежского секретаря, по мнению начальства, был его семейный статус. Точнее, полное отсутствие такового. В свои зрелые годы энергичный чиновник полиции был еще преступно не женат. И это возбуждало смутную тревогу. В самом деле, как можно доверить охрану самого дорогого, что есть у каждого чиновника, — власти — тому, кто никогда не управлял своей женой? Достаточно ли крепка рука его, если никогда не знала вожжей, которыми управляется, во всяком случае в теории, любезная супруга? Можно ли доверить ему российскую государственность, если ни одна женщина не доверила руководить ею? Не имея других, более важных вопросов, начальство скрытно и пристально следило за семейной колли-

зией чиновника, но терпение могло закончиться. А вместе с ним и карьера удальца. Но все это касалось исключительно отношений между начальством и чиновником. И никого больше.

Нил Нилыч же был совершенно удовлетворен. Пока Вендорф набрасывал на фирменном бланке рекомендательное письмо, гость развлекал его подробностями недавно сыгранной партии, в которой обыграл заезжего зазнайку на червонец. А получив конверт, сообщил, что для такого замечательного друга готов на любую услугу.

— Значит, я могу надеяться? — скромно потупившись, спросил Оскар Игнатьевич.

— Не просто надеяться, теперь я ваш должник! Все, что угодно!

— В ближайшее воскресенье удобно?

— Да хоть завтра! Надеюсь, больше суток вашему герою не потребуется, чтобы раскрыть тайну.

Полковник искренне на это надеялся. И добавил:

— Не мазу ведь жалко, тут дело принципа. И уж кажется, метко кладу, а он, подлец, летит куда захочет.

Кто бы мог подумать, что грозный полицеймейстер и вообще четвертинка полицейской власти столыцы мечтал не о чинах и наградах, а о самом желанном, после варенья, невинном счастье: обучиться хитрому рокамболлю, которым Нил Нилыч одержал не одну победу в пирамиде. Чтоб шар класть в лузу так... Ну, в общем, что тут поделывать: наши слабости — вторая натура.

• 3 •

Садовой улице по чести следовало зваться Рыночной: садов на ней раз и обчелся, а торжищ целых пять. Потому аромат кипящего варенья оведал ее из конца в конец. Особо густой дух скопился как раз посредине, в промежутке между Сенным рынком и Никольским.

Напротив подъезда доходного дома стояла пролетка, на козлах которой восседал излишне смуглый извозчик, украшенный не суконным цилиндром с пряжкой, а восточным тюрбаном, замызганным до крайней степени. Рядом с пролеткой стоял господин среднего роста, в одной руке которого имелась вязанка толстых книг, стянутых сырой бечевкой, а в другой болтался потертый саквояж. Господин был, прямо скажем, юн, слегка тучноват, но в самую меру, на крепкой шее сидела довольно крупная голова, подстриженная аккуратно, но коротковато, что позволяла заметить лихо сдвинутая на затылок шляпа. Одет по-летнему просто и неброско, так что трудно заметить что-то выдающееся в костюме. Выдающееся было в другом. Начать с того, что лицо украшали черные, как крыло коршуна, усы, да такие пушистые и густые, что укрощать их пришлось при помощи помадки. Несмотря на титанические старания цирюльника, казалось, что в любую минуту усы эти готовы непослушно выпрыгнуть и распушиться во всю удаль.

Но самое большое впечатление производил взгляд молодого господина. Не то чтобы он был наглым или вызывающим, однако блестело в глубине зрачков нечто такое, что чуткого человека заставляло понять: перед ним не абы кто, а большая умница, обладающий недюжинной волей, хоть и скрытой за неуклюжей внешностью. Такой взгляд, пожалуй, мог свернуть в бараний рог впечатлительную натуру, а уж женскую половину человечества приводил в трепет наверняка. Многие барышни, попав под этот взгляд, озадаченно спрашивали себя: что это было? Домогается он меня втайне или пронзительно видит самую душу мою? Демон или ангел в упитанном обличье? Если бы барышни знали ответ, то ни за что бы не стали заглядывать в эти зрачки. В конце концов, не женские глаза, чего там расписывать, и так ясно. А вот другой его орган описать стоит. У юноши было стальное сердце. И никак иначе. Сердце, значит, у него было не пробиваемое чувствами. Такое вот крепкое и выдержанное, что просто дальше некуда. Во всяком случае, он в это искренно верил.

Молодой господин явно испытывал силу своего взгляда на извозчике, при этом не забывая отчаянно ругаться. Речь шла о стоимости поездки. Пассажир с мелким багажом требовал отвезти до Царскосельского вокзала по тарифу, на что извозчик, печально ухмыляясь, отвечал:

— Э-э-э, барин кароши! Какой такой тарифа, что ти! Коня кармит нада? Нада. Детэй кармит нада?

Нада. Да еще жена кармит нада, две штука. Тарифа их кармит будет, да? Давай рубль, паехали.

Как видно, извозчик недавно перебрался в столицу из восточных окраин империи, быть может, из Туркестана, и отчаянно пытался огрести деньгу. Но молодой господин был на этот счет другого мнения.

— Тариф для извозчиков утвержден градоначальством. Это закон. Так? — закричал он. — А закон надо исполнять, нравится вам это или нет.

— Э-э-э, барин, такой маладой, а такой жадни!.. Давай рубль, паехали, — канючил извозчик, пропустив мимо ушей неслыханно вежливое обращение на «вы».

— Я не жадный, но требую соблюдения закона! Тридцать копеек и ни копейкой больше.

Шарманка спора закрутилась по новой, что доставило истинное удовольствие прохожим и бездельничающим обывателям.

Пора уж приоткрыть завесу тайны над этим скандалом. Молодой господин не был скрягой, жмотом или скопидомом, а в обыденной жизни служил легкой добычей наглых приказчиков и домовладельца особенно. В практических вопросах домашнего хозяйства или закупки провизии был наивен на удивление. Откуда же взялось это яростное упорство базарного торгаша? Извозчику, что называется, повезло попасть под руку в самое неудачное время.

Со вчерашнего дня юный господин кипел возмущением. Все началось с пустяка. Заглянув на обед к матушке, обнаружил он, к крайнему удивлению, что

его собираются женить. Да не просто женить, а на милой барышне с большим приданым и, конечно, из благополучной семьи. Матушка его, женщина добрая, но одержимая идеей видеть младшего сына под венцом, раз уж со старшим ничего не вышло, накинулась со всей материнской беспощадностью. Сыночку была представлена фотография невесты, девушки милой, но совершенно незнакомой и нелюбимой, после чего заявлено, что завтра они отправляются на смотрины, после которых он обязан официально просить руки и даже сердца своей избранницы.

Поначалу юноша был так занят окрошкой с пирожками, что слушал вполуха, а вернее, не слушал вовсе, принимая эту речь за очередное материнское наставление, которые научился блистательно не замечать. Но под конец окрошки вдруг осознал, что дело принимает неожиданно серьезный оборот. Его не просто хотят женить силком, но уже и силки расставили. Попытавшись образумить матушку, обнаружил он, что скован по рукам и ногам. Осталось подставить шею под ярмо. А вот этого в ближайшем обозримом будущем он делать как раз не собирался. Не так давно пришлось ему пережить болезненное крушение страстной любви. Внешне это никак на нем не отразилось, виски не поседели, он не начал заикаться, но душевные раны были свежи и кровоточили, так что при слове «женитьба» бросало его то в страх, то в трепет. Говорить с ним нынче о женитьбе было так же уместно, как беседовать с селедкой о

рассоле. Но матушка, не зная удержу и пощады, требовала сыновней покорности вообще и немедленно-го брака в частности.

Бывают минуты, когда и пойманная птичка бьется до последнего перышка, раз терять нечего. И миг такой настал. Хватив кулаком о стол, юноша вскочил и заявил, что женится только на той женщине, которую сам приведет в дом, а иначе ноги его больше не будет в этом доме. С чем и выскочил. Кипя гневом всю ночь, поутру он направился на службу в 4-й участок Казанской части и потребовал, именно потребовал у пристава предоставить ему отпуск на две недели. Видя такую напористость, пристав Вершинин-Гак по прозвищу Желудь молча подписал отпускное удостоверение и пожелал счастливого отдыха.

Молодой человек прилетел домой, связал в стопку любимейшие книги, среди которых нашлись «Золотой осел» Апулея и «Диалоги» Платона, побросал в саквояж чистое белье и нацелился сбежать в имение к бабушке, чтобы заглушить горе в тенечке малинового куста. А заодно не упустить урожай свежего варенья, которое, по его тайному поверью, само собой произрастало в банках, стоило лишь зайти в чулан.

И вот между ним и вареньем бабушки встал несчастный извозчик. Представляете?

Но, пожалуй, мы отвлеклись и не заметили, как лихо притормозил фиакр-двуколка, как возница осадил взмыленного рысака, сам же бросил поводья и спрыгнул на тротуар. Изучив представшего персона-

жа с книгами и саквояжем, господин тихонько хмыкнул, что могло означать только крайнее сомнение, однако же быстро утопил это сомнение в гримасе исключительного добродушия.

— Родион Георгиевич! — закричал он. — Какое счастье, что успел! В участке сказали, что вы отбыли в отпуск.

— Уже отбываю, — ответил юноша, быстро и тщательно осмотрев незнакомца. Приобретенная на службе привычка составлять мгновенный портрет сработала, несмотря даже на отпуск. Портрет вышел странным: мужчина имел такой цветуще-обтекаемый вид, что определить его возраст было затруднительно. Может быть, тридцать пять, а может, сорок или даже все сорок пять. Взгляд открытый и приветливый, исключительно хорош собой, что ценит и всячески подчеркивает. Улыбка неотразимая, привык оказывать на людей неизгладимое впечатление, добродушен, но эгоистичен и избалован. Камешки на перстне, запонках и брелоках, алмазная заколка в галстук и золотая цепочка, виднеющаяся из кармана жилетки, говорили за себя. В средствах не нуждается, умеет жить весело, от души. Занимается спортом и тщательно следит за собой. Одет по моде. Не женат.

— Вы кто? — недружелюбно спросил пронизательный юноша.

— Позвольте представиться: Бородин Нил Нилыч! — сказал господин таким тоном, будто ожидал взрыва аплодисментов, никак не меньше. Его награ-

дил угрюмый взгляд извозчика, который почувал, что добыча ускользает. Повертевшись на облучке, потомок орд Чингисхана вымученно заканючил:

— Э-а-э, ладна, тарифа давай твая, пятьдесят капейка.

Но пассажир уже потерял интерес к торгу и разговаривал только с обладателем брелоков и цепочек:

— Что вам угодно?

— Мне рекомендовали вас как замечательного сыщика... — начал Бородин, но тут же был одернут.

— Я не сыщик, а чиновник сыскной полиции, — мрачно сказал юноша и тут же добавил: — Для особых поручений.

— В любом случае, господин Ванзаров, это вам... — появился конверт с грифом 1-го отделения столичной полиции. — Ознакомиться следует немедленно.

Развернув жесткий листок канцелярской бумаги, юный чиновник полиции прочел:

«Милейший Родион Георгиевич...»

От такого обращения вышестоящего начальства добра не жди. Собрав мужество, углубился в дальнейшее:

«Обращаюсь к вам не столько по служебному порядку, сколько как к самому талантливому и дельному специалисту, какого знаю в нашем ведомстве. У господина Бородина — человека, приносящего обществу и городу много пользы, — возникло некоторое затруднение, которое способны разрешить только вы. Надеюсь, это не отнимет у вас много времени.

По любому вопросу, связанному с этим делом, можете обращаться ко мне напрямик. И в дальнейшем двери для вас всегда открыты. Полковник Вендорф».

Иной чиновник за такое послание готов был бы отдать полкарьеры и жену в придачу. Шутка ли, сам полицеймейстер предлагает свое покровительство. Но Ванзаров скомкал письмо и равнодушно спросил:

— Что-то срочное? У меня отпуск.

— Тут такая история... — Бородин для чего-то понизил голос. — Не знаю, как и начать... Лучше бы вы сами посмотрели. Без натяжки могу сказать: дело загадочное, если не таинственное. Я несколько встревожен. Без вас не обойтись.

В любой другой день, услышав волшебные слова «загадочное» и «таинственное», Ванзаров бы поскакал куда угодно, как полковой конь на звуки трубы. Но сегодня...

— У вас семейные неприятности?

Верно уловив намек, Бородин пронзительно улыбнулся:

— Ну что вы! Какие могут быть неприятности, я же не женат. Да и разве посмел бы я отрывать такого специалиста ради тривиальной слежки за неверной. Что вы!

— Пропал любимый перстень?

— Не угадали. Ну-ка, третья попытка...

Простых объяснений странной спешке не нашлось. А потому, прикинув на одной чаше варенье бабушки, а на другой заманчивую тайну, чиновник полиции за-

кинул связку книг с саквояжем в фиакр, чем до глубины души опечалил восточного извозчика.

И поделом — сказано же: тариф!

• 4 •

Фиакр правили одной, но твердой рукой. Казалось, лошадь бежит сама, будто зная, где следует поворачивать, а где наподдать, возница же держит вожжи с хлыстом для собственного удовольствия. Управлял Бородин с тем легким изяществом, что достигается высоким уровнем мастерства. При этом успевал, не умолкая, болтать. Уже через десять минут Ванзаров знал о нем все необходимое и без допроса.

Нил Нилыч оказался единственным сыном и наследником своего отца, господина Бородина, который разбогател на торговле керосином, сколотил приличное состояние, но, открыв, что работа — это не все, что может быть приятного в жизни, продал дело и зажил на составленный капитал без забот. Женившись на девушке небогатой, но приличной, Бородин-старший произвел на свет наследника, которому был искренне рад. Только воспитать как следует не успел. Когда мальчику было пять лет, он скончался от сердечного приступа, успев завещать все наследство единственному отпрыску. После чего воспитанием сына занялась маменька. Бородин-младший получил неплохое домашнее образование, хотел было поступить в армию, но военная дисциплина была не

для него. Затем появилась мысль посвятить себя государственной службе. Написал прошение на поступление в Министерство уделов и даже ходил на службу целую неделю. Однако нюхнув чиновничьего духу и вкусив министерских порядков, понял, что ломать в себе человеческое достоинство нет никакого смысла. Принести пользу отечеству чиновник не может по определению, не для того служит, а в жалованье Бородин не нуждался. Смысла в службе не нашлось ни на грош. И с тех пор он зажил в свое удовольствие, найдя, впрочем, применение своим силам.

— Играете на бильярде? — спросил Бородин и даже как будто дружески подпихнул локотком в бок. Но, возможно, фиакр просто качнуло.

Ванзаров ответил неопределенно. Не то чтобы ему не были знакомы контр-туш, краузе, абриколь и прочие карамболи, но раскрывать свои пристрастия перед незнакомым господином было крайне нерасчетливо. А вот рассчитывать Родион Георгиевич умел с удалью завязтого математика. Недаром в духовные наставники выбрал старину Сократа и его логику... Ну да ладно, не будем отвлекаться.

Нил Нилыч запел прямо-таки канарейкой. Для начала скромно сообщил, что не знает в столице и окрестностях другого игрока, способного уложить его в русскую пирамиду. Слава о бородинском мастерском ударе и крученых шарах достигла, кажется, самых отдаленных уголков мира, поклонники специально приезжают в Петербург, чтобы посмо-

треть, как он играет. Авторитет его в мире бильярда настолько непререкаем, что стоит Бородину появиться в бильярдной зале, как противники в панике бросают кий и сдаются, так что в последнее время он даже заскучал, не имея достойного соперника. Мастерство досталось по наследству от батюшки, который тоже был не дурак шары погонять, но сын истинных высот достиг благодаря личному таланту и усидчивости. И вообще, как было бы чудесно, чтобы по бильярду проводился турнир, если не европейского масштаба, то хоть российского! Тогда все награды и кубки были бы у Бородина. Как же иначе.

— Сколько вам лет? — вдруг спросил Ванзаров.

Нил Нилыч хитро подмигнул:

— Угадайте. Проверим, какой вы проникательный сыщ... чиновник полиции.

— Между сорока и сорока пятью.

Мастер бильярда расплылся в победной улыбке:

— Благодарю за комплимент. Мне сорок восемь! Удивлены?

— Что ж до сих пор не женаты?

Проскочила интонация уж слишком личная, совсем не такая, какой требует непринужденная беседа. Но, кажется, Бородин не заметил.

— Ай, как-то не сложилось, — легкомысленно ответил он. — Играл несколько верных партий, но всякий раз случался фукс. То одно, то другое... Но в самое ближайшее время намерен этот вопрос решить положительно. Пора бы уже детишек завести, надо же

кому-то передать мастерство, да и годы берут свое... Хо-хо! А позвольте вас спросить о том же?

Родион, застигнутый врасплох, смог отбиться только с помощью своего обожаемого Сократа. Уродливый мудрец, как известно, относился к семейной жизни как к подвигу, почему и говорил: «Женишься ты или нет — все равно расскаешься». Или: «Брак, если уж говорить правду, зло, но необходимое зло». И даже: «Если попадется хорошая жена, будешь исключением, а если плохая — станешь философом». Пробормотав нечто подобное, Ванзаров аккуратно перевел разговор на происшествие, но Бородин внезапно замкнулся, отговорившись, что лучше увидеть своими глазами.

Показался Крестовский остров, «прицепленный» к Петроградской стороне хлипким деревянным мостком. Под ударами копыт помост раскачивался и подрагивал, словно нежная барышня, попавшая в дремучую чащу. Счастливо миновав переправу, фикар углубился в древесную зелень, среди которой петляла грунтовая дорожка.

Цель поездки несложно было разглядеть издалека. Дом был построен полвека назад, но построен как-то затейливо. Будто архитектор задумал воздвигнуть массивное дворянское гнездо, но потом плюнул и соорудил что попало. Одноэтажный дом, широко раскинувшись на лужайке, казался хронически недостроенным, чем и гордился. Гостей встречал парадный подъезд с большими полукруглыми окнами, по бокам подъезда торчали два выступа. Один был

явно нежилой, с наглухо закрытым окном, зато в противоположном створки распахнуты, внутренности комнат прикрывает портьера. С правой стороны особняка виднелся широкий эркер с множеством окон. Вдоль дороги протянулся невысокий заборчик, подпираемый шеренгой кустов крыжовника. Чуткий нос чиновника полиции уловил волнующий аромат.

Фиакр въехал в настежь распахнутые ворота. Богадин соскочил и пригласил следовать за ним. Встречать гостя и хозяина никто не спешил. Ни прислуга, ни конюх, ни домочадцы не показались. В широкой зале, в которой Ванзаров очутился прямо с порога, было прохладно. Среди привычного хаоса мебели и домашних мелочей, каких в любой квартире собрано предостаточно, выделялся роскошный бильярдный стол с новеньким сукном. Но и здесь никого не было. Зато поблизости слышались женские всхлипы. Ничего более таинственного или преступного зоркому взгляду сыскальной полиции не попало. Нил Нилыч замешкался и вдруг сказал:

— Будет лучше, если сначала увидите... Пойдемте.

Любезный хозяин пригласил гостя выйти вон, они прошли мимо коня, за что-то обозванного Буцефалом, занятого уничтожением цветочной клумбы, которую, впрочем, уже трудно было испортить, и вышли на задний двор. Забор, прикрывавший дом с фасада разве что от зайцев, внезапно обрывался. В дальних углах двора виднелись деревянные постройки, служившие баней, дровней, сараем и, кажется, конюшней. По-

среди двора возвышалось сооружение из жаростойкого кирпича, обугленное и обгоревшее. Невдалеке виднелся широкий стол, заставленный стеклянными банками и кухонными принадлежностями. И опять никаких следов разбоя или другого гнусного преступления, если не считать медной сковороды, которая печально плавала в луже варенья. Подозвав гостя жестом, Бородин указал на сооружение из двух широких тазов: один накрывал другой.

— Вот, — сказал Бородин с некоторой тревогой и даже оглянулся по сторонам.

Ванзаров предоставил событиям развиваться своим чередом. Нил Нилыч решительным жестом сорвал верхний тазик. Под ним обнаружился другой, поменьше, тоже перевернутый кверху днищем, прикрывавшим что-то на поверхности сахарных ягод. Уже явно труся, Бородин прикоснулся к покрывашке и быстро сдернул ее. Под тактиком оказалась горка колотого льда.

— Там, — сдавленным шепотом выдавил мастер бильярда. — Смотрите сами.

Твердой рукой Родион Георгиевич разгреб подтаившие осколки.

• 5 •

Создания мрачной фантазии вроде нежити или привидений английских замков не так пугают, как тихий шорох в пустом доме или чья-то тень за углом.

Ведь реальное менее ужасно, чем то, что создает наша фантазия. Воображение порождает страх. Изольда кто-то смотрел. Прямо в Ванзарова уставился немигающий взгляд.

Воображение услужливо преподнесло образы одноглазого Вия, затем чудовищного карлика, прячущегося в варенье, а напоследок водяного-недоростка (большой в таз с ягодами не поместится). Как только сознание прогнало одуревшее воображение, до Родиона дошло, что на него смотрит всего лишь глаз. Один глаз. Сам по себе.

Глаз смотрел не мигая потому, что мигать ему было нечем. Зрачок помещался в беловатом глазном яблоке с прожилками сосудов, за которым виднелся хвостик оторванного нерва. И больше ничего. Попросту глаз изъяли из человеческой головы и поместили среди кубиков льда, сахара и несваренной малины. Играть в гляделки с немигающим зрачком оказалось трудно. Прямо невыносимо трудно. И Ванзаров отвел взгляд.

— Как вам?

Родион хотел было сказать, что приходилось видеть и не такое: расчлененные трупы, изувеченные трупы, сгнившие трупы, трупы на любой вкус и предпочтение. Правда, все больше в учебниках криминалистики и на фотографиях из полицейского архива. В реальной практике ему лишь раз досталась отрезанная рука, да и та лежала рядом с мужем, ставшим жертвой ревности подруги. А вот так, чтобы глаз

находился без жертвы преступления, — никогда. Но вместо назидательного мнения опытный сыщик, пардон, конечно, смог выдать многозначительное: — Понятно...

Хотя ничего не было понятно. К тому же робость перед анатомическими подробностями еще не до конца выветрилась из стального сердца. Больше всего сейчас требовалась подсказка и помощь его друга и коллеги — эксперта Лебедева, но ее ожидать было бесполезно. Светило криминалистики и лучший знаток всего, что связано с научной частью расследования преступлений, отбыл к волнам теплого моря, чтобы предаваться неге, ничегонеделанию и приударять за хорошенькими женщинами, которые, как известно, на юге водятся в изобилии. Оставалось рассчитывать только и исключительно на себя. Это не радовало. Вот, например, как определить, чей глаз: человеческий, коровий, а может, крупной собаки?

Заставив себя посмотреть, Родион все же склонился к мнению, что глаз человеческий. Уж больно неприятно на душе. Но вот чей именно — мужчины или женщины, какого возраста или роста, — понять совершенно невозможно. И все же цвет радужки — морская волна — напомнил, так некстати, некие васильковые глазки, которые Ванзаров заставил себя забыть.

— Вам знаком этот глаз?

Вопрос заставил Бородина несколько усомниться в умственных способностях юноши. Он честно признался, что видит его впервые.

Родион уже пожалел, что не сдержался. Действительно, узнать глаз знакомой персоны на его привычном месте — среди век, ресниц, носа и бровей, — в конце концов, труда не составит. Но вот так, в виде белесого шарика, наверное, даже Лебедев не справился бы.

— Так и обнаружили — среди льда?

Повернувшись к тазику спиной, Нил Нилыч изобразил дружелюбную улыбочку:

— Представьте картину: вижу сладкий утренний сон, в который врывается омерзительный визг. Думаю: наверняка какая-нибудь дворняга под колеса попала. Лежу, дремлю. Вдруг визг смолкает и начинаются истошные крики Аглаи...

— Кто такая Аглая?

— Аглаюшка — нянюшка, воспитала меня вместе с матерью. Так и живет с нами, ангел, а не женщина, сама доброта и любовь. Теперь у нас вроде домоправительницы... Да, так вот кричит она что-то несусветное, вроде прокликает кого-то. Тут уж не стерпел и, как был в ночной рубашке, выбежал во двор. Что же вижу? В луже варенья сидит Тонька...

— Кто такая Тонька?

— Наша кухарка! Так вот, сидит она в свежем крыжовенном, воет, а над ней ярится Аглая. Подхожу, выясняю, из-за чего сыр-бор. Няня показывает на тазик с малиной. Я-то сначала не разглядел, а как понял, в чем дело, аж дурно стало. Нет, ну подумайте, среди бела дня в своем варенье найти чей-то глаз!

— Моя тетя как-то раз купила на Апраксином рынке банку клубничного, — доверительно сообщил Ванзаров. — Открыла, а там таракан засахаренный. Безобразие, конечно. Но полицию не вызывала.

Мудрое замечание заставило Бородина опять усомниться в правильности рекомендации полковника Вендорфа. Уже не так дружелюбно он спросил:

— По-вашему, ничего странного — найти на заднем дворе часть человеческого тела?

— Я бы так не сказал, — уточнил Родион. — Но и принимать близко к сердцу не стал бы.

— Почему же?

— Скорее всего, это чья-то глупая шутка. Быть может, местные хулиганы решили попугать. Сидели в кустах и животы надрывали, когда ваши женщины подняли панику. Все это вполне может разобрать местный пристав. У ваших домашних глаза на месте?.. Ну, вот видите. Думаю, и дела-то никакого нет.

— А я так не думаю, — упрямо сказал Бородин. — Потому и обложил глаз льдом, чтобы настоящий полицейский специалист выяснил, что случилось. Но, кажется, ошибся.

Вызов, брошенный недрогнувшей рукой бильярдиста, был поднят чиновником полиции, тщательно осмотрен, взвешен на предмет выбора между ним и бабушкиным вареньем и наконец принят.

— В таком случае прошу изложить настоящие причины вашего беспокойства. Потому что этого... —

Ванзаров кивнул на тазик с малиной, — ...явно недостаточно для серьезного расследования.

Поеживаясь под буравящим взглядом, который, казалось, так и просверливает внутренности, Бородин подумал, что юнец не так уж и прост, как кажется, а может, и вовсе придуривается — сам же аккуратно проверяет да прощупывает. С ним надо играть штомом: честно и в лоб.

— Нянька кричала о каком-то роковом проклятье, которое висит над нашей семьей и всех погубит.

— Вы когда-нибудь слышали о нем? — спросил Ванзаров без тени иронии.

— В том-то и дело, что нет. Наша семья — тихий, мирный и очень дружный кружок, в котором никогда ничего трагического, а уж тем более рокового не случилось. Мы самые мирные обыватели, если хотите.

— Ваша няня упоминала еще и рок?

— Насколько понял... А еще, — Бородин замялся и наконец решился, — глупо признаваться, но я действительно испугался. Какое-то чувство подсказывает, что все это неспроста, за всем этим что-то есть, какая-то недобрая тайна, которая угрожает и мне, и моим близким. Ну разве можно с этими домыслами пойти к приставу?

Вот это Родион очень хорошо понимал. Местный хранитель порядка в лучшем случае выслушал бы, а потом повертел бы пальцем у виска. И делать ничего не стал бы. Не так усердна полиция, как ее представляют. Но Ванзаров отнесся иначе.

Придя в сыскную полицию, юноша искренне верил, что станет бороться с выдающимися преступниками, разоблачать захватывающие тайны и разгадывать запутанные происшествия. Романтический туман быстро рассеял ветер грубой реальности, но щемящее чувство неудовлетворенности и, если хотите, вера в чудо остались. Родиону так хотелось быть великим... ну, что поделать, придется сказать это запретное слово: «сыщиком». И уж если к слову «сыщик» он приобрел стойкое отвращение, то стать великим чиновником сыскной полиции не отказался бы. И сейчас ощутил, вернее, услышал в глубинах органа интуиции тихий звоночек, который тренькнул: «Берись, Родион, тебя ждет удивительное дело, останешься доволен». А уж своей интуиции Ванзаров верил, как Лебедеву.

— У вас водка есть?

В растерянности Бородин даже нос почесал:

— Пять сортов. Какую предпочитаете? С закуской или так, на занюх?

Что тут поделать! Сплетни о жутком пьянстве в полиции не то чтобы были беспочвенными, но уж к коллежскому секретарю Ванзарову отношения не имели.

— На службе — никакую, — ответил он. — А еще позвольте баночку, чтобы сохранить улику.

Без Лебедева это было все, на что он способен.

Прикастаться к глазу Нил Нилыч вежливо, но твердо отказался. Задержав дыхание, Родион боль-

шим и указательным пальцами придавил комочек. На ощупь оказался слизковат и похож на гнилую сливу, которая готова лопнуть от нажима. Нырнув в водку, шарик кувыркнулся и устоялся на чиновника полиции.

Улика в прямом смысле слова накрылась медным тазом. Чтобы мухи не садились или женщины, случайно увидев, не упали в обморок. Тщательно оттерев пальцы, с которых, все казалось, не сходит слизь, Ванзаров сказал:

— Поброжу в округе, может, что-нибудь обнаружится.

Бородин изъявил горячее желание следовать за сыскающей полицией, куда бы ни закинула судьба.

• 6 •

Кого заносило в прерии, тот знает, как подкрадывается к жертве леопард. Пригнувшись к земле так, что и спины не видно, бесшумной тенью скользит в траве. Ни один стебелек не дрогнет, никакая веточка не хрустнет. Коварно и осторожно подкрадывается пятнистая кошка к своей добыче, прикрываясь до последнего травой, и лишь в решительный миг делает бросок. Наш местный «леопард» прилично возвышался над зеленой травушкой, никуда не прятался, хотя двигался аккуратно и неторопливо.

Изобразить из себя следопыта прерий Родиона заставила логика. Никто более на это не был способен. Логика была неумолима: раз глаз оказался в ва-

ренье, то все остальное, в чем он помещался, должно быть неподалеку. Ах да, тут надо сделать важное отступление.

Еще только увидев этот глаз, Ванзаров сразу подумал об убийстве. Трудно представить, чтобы из живого человека изъяли глаз и этот человек дальше принялся разгуливать по Невскому проспекту как ни в чем не бывало. Скорее всего, кого-то умерщвили, после чего у него и одолжили глаз. Зачем? С этим вопросом предстояло серьезно разобраться. Но если найти того, кто лишился своего ока, будет проще протянуть цепочку. Быть может, это кто-то, близкий к Бородину.

Полицейская практика подсказывала Ванзарову, что убийца, совершив преступление, оставляет отрезанные части недалеко от самого тела. Родион покопался в кратком архиве памяти и смог обнаружить всего два случая, да и то похожих отдаленно. Так, в 1892 году в съестной лавке было найдено тело с отрезанной головой. Следствие выяснило, что убитый — фейерверкер¹ Голубев, содержатель постоянного двора. Убийцей оказался его друг и собутыльник Иванченков, с которым они пьянствовали два дня и допились до того, что затеяли драку. Попавший под руку кухонный нож сделал свое дело. При первом же допросе Иванченков во всем сознался.

¹ Мастер фейерверков.

Второй случай был в 1893-м и до омерзения походил на первый. На станции Плюса Варшавской железной дороги обнаружили труп неизвестного с отделенной и изуродованной головой. Энергичный розыск открыл, что убит гимназист Мякотин, который ехал со своими старшими приятелями. Они и позарились на его деньги. Предъявленные неопровержимые улики вынудили бывших гимназистов признаться в жестоком убийстве по причине длительного пьянства. И это все. Никогда еще сыскающая полиция не сталкивалась с отдельно лежащим глазом в сахаре и малине.

Трава в этом году выросла сочная и густая. Разглядеть в ней что-то оказалось затруднительным. Ванзаров принялся за розыск по строго научной системе. Сначала обошел дом со стороны деревянных построек в поисках помятой растительности, как это бывает, когда волокут мертвое тело. Но кругом трава росла прямо. Только вблизи эркера виднелась свежая тропинка. Смяла ее преступная нога или невинная, зелень не докладывала. Ясно одно: человек шел и тяжести за собой не волок. В других местах и того не было, как будто около особняка никто не ходил недели две, а то и больше. Пришлось с сожалением признать: вблизи тело не обнаружить.

Быть может, скрывалось оно где-то за дальними деревьями? Но и здесь ждала неудача. Ничего похожего на след от тела или само тело раздобыть не удалось. Как ни печально, но и пятен крови не было.

Залезать в небольшой пруд и шарить по дну коллежский секретарь счел недостойным себя. Оставалась надежда, что преступник проявил чудеса осторожности и шагал так, чтобы не смять травы. Но, быть может, обронил или бросил еще какой-нибудь орган? Сгодились бы любая мелочь: хоть нос, хоть ухо.

Уже не зная, что ищет, Родион медленным леопардом рассекал траву, отодвигая кусты носком ботинка. Кроме камней да гнилых листьев, на земле не попалось ничего мертвого.

— Ох ма! — вдруг вскрикнул чиновник полиции.

— Что?! Что там?! — эхом взвизгнул испуганный Бородин, который все это время следовал тенью леопарда, не отставая и не открывая рта.

— Белый гриб огромного размера.

— Фу ты... Разве можно так пугать, Родион Георгиевич! Я уж подумал, что... У нас их тут много бывает в урожайный год. И в лес ездить не надо.

— Что же подумали?

— Не знаю, может, руку или голову нашли...

От такой находки Ванзаров не отказался бы. Но убийца не захотел облегчить розыску дело. Следовало признать: удаление глаза произошло в неизвестном месте, находящемся от особняка на неизвестном расстоянии, и при этом нахождение самого тела также печально неизвестно. Судя по всему, преступник не крадся к дому по зарослям, чтобы коварно подбросить глаз в варенье, а преспокойно подъехал или подошел по дорожке, заглянул во двор и испортил

кухарке готовку. Было в этом что-то омерзительно простое и примитивное.

И все же поиски в траве дали неожиданный результат. Решительным шагом, при котором уже надо придерживать шашку, приблизился местный городской Лялин и строгим тоном потребовал отчет: по какому делу двое господ приличного вида, даже не пьяные, шляются вот уже с полчаса по окрестным кустам, словно потеряли что-то. А может, замышляют противозаконное?

Ответа Лялин не дождался, а отвечать пришлось самому и даже вытянуться по стойке «смирно», когда узнал, какого господина посмел беспокоить. Похвалив его за бдительность, Ванзаров расспросил о перемещениях подозрительных лиц в округе сегодня утром. Городовой доложил, что находился на посту, как и полагается, с седьмого часа, за всем, конечно, не уследишь, участок большой, но, по его наблюдению, никого подозрительного не было. Потому как народу-то почти и не было. А кто проходил — так все свои, местные. Родиона подмывало вытащить глаз, но, пожалев нервы Лялина, отпустил постового с миром.

На заднем дворе все было по-прежнему: медный таз прикрывал улику, ни одного домашнего не объявилось.

— Испугались, приходят в себя, отсиживаются по комнатам, — пояснил Бородин.

— Сколько держите прислуги?

— Сейчас только кухарка Тонька и лакей Орест. Скоро вернутся конюх Митька, дворовый работник Никодим, он же истопник и плотник, и еще горничная Дарья. Мы их на лето к родне в деревню отпускаем. Аглае приходится за троих управляться.

Вынув пока единственную улику, Ванзаров предался созерцанию. В водке глаз чувствовал себя превосходно, смотрел на чиновника полиции, широко раскрыв... вот ведь проблема: что бы глазу широко раскрыть? Ну да ладно...

Как опытный экспериментатор, Родион взболтал содержимое. Глаз послушно запрыгал шаловливым мячиком. От такого исключительного зрелища Бородина охватило чувство омерзения. Он предательски булькнул.

— Экий вы нежный, — задумчиво проговорил Ванзаров, хоть и его слегка подташнивало. — Пора взяться за свидетелей.

— За кого? — спросил Нил Нилыч, глубоко и медленно выдохнув.

— За ваших домочадцев попрятавшихся. Надеюсь, позволите?

— Конечно... Раз надо... Только умоляю: уберите куда-нибудь эту гадость. Не пугайте маменьку и Аглашу.

Ванзаров пообещал, но тут же выставил банку вперед:

— И все-таки: вам никого не напоминает? Может, вспомните?

Нил Нилыч охнул и стремительно удалился в дом.

«Прибытие поезда» братьев Люмьер открыло эру кинематографа один раз и надолго. А вот прибытие паровоза из Первопрестольной в Имперскую открывает сезон охоты каждый день. Безжалостные хищники слетаются стаяй, ждут в нетерпении и, стоит появиться несчастным жертвам, набрасываются, вырывая сочные куски. Каждый извозчик знает: ловить приехавших прямо с поезда — дело выгодное. Попав в большой город, пассажир становится похожим на слепого котенка. Вот тут-то его и надо брать тепленьким. А потому в назначенный час у площади Николаевского вокзала собирается целый эскадрон пролеток, сами извозчики дежурят у выхода. И на перроне за руку хватали бы, жаль, не пускает полиция. Но этого места бывает достаточно. Жертва сама идет в пасть.

Ступеньки вагона третьего класса кое-как одолел господин домашнего склада в помятом костюме. Одним добродушным, если не сказать простецким видом он возбуждал жажду наживы. Багажа с ним было немного, а сказать честно, почти никакого: потертый портфель да куль, замотанный в платок и самые простецкие веревки. Внутри мерно позвякивали банки, как видно, с вареньем. Господин только шагнул от вагона, как на него налетела какая-то фигура, а тут еще мальчишка в ногах запутался. Незнакомец отшатнулся и, сняв шляпу, искренне извинился, что причинил

неудобство, после чего стремительно растаял в толпе. Пожилой господин даже не успел поклониться в ответ. Ему стало стыдно, что, оказавшись в столице, первым делом проявил неуклюжесть.

Вежливость петербургских жителей не знала границ. Упитанный извозчик обрадовался незнакомому приезжему как родному и так уж мило уговаривал нанять его, дескать, провезет недорого и с ветерком. Хоть в планах господина числилась скромная конка, но дружелюбный напор сломил экономность.

Извозчик ехал не спеша. Чего господин не замечал, наслаждаясь видом витрин, модно одетой публики и вообще оглушенный столичным духом. Пролетка остановилась у здания Министерства иностранных дел на Дворцовой площади. Повернувшись с облучка, извозчик попросил недорого, три рубля. То есть в шесть раз больше, чем того стоило. Господин испугался, но делать нечего: столичные цены, столичная дороговизна. И полез за кошельком. Во внутреннем кармане его не оказалось. И в наружных карманах тоже. Как, впрочем, не оказалось и часов. Господин признался, что кошелек потерял, и спросил извозчика, куда ему приехать, чтобы вернуть долг завтра. Но ванька принимать на веру не стал, а схватил портфель и баул, после чего выкинул пассажира, назвав обидным словом, хлестнул лошаденку и был таков.

Господин остался на главной площади империи без копейки денег и без вещей.

Говорят, дом — отражение семьи. Или народная мудрость оплошала, или характер этой семьи был загадочен. В обширном помещении, кроме бильярдного стола, нашли приют всевозможные вещицы. Имелись разнообразные китайские вазы, там и сям располагались бронзовые безделушки и фигурки кастлинского литья, по стенам вольно красовались картины попеременно с офортами и фотографиями каких-то бородатых предков, по полу катились волны разношерстных ковров, а с потолка свешивалась люстра, бережно укутанная чехлом, в прорехах которого виднелись хрустальные сосульки. В большую гостиную, как для себя назвал это помещение Родион, выходило целых пять дверей, через проход, украшенный драпри, виднелась гостиная поменьше, а еще отстал короткий коридорчик несуразного вида. Но самое поразительное располагалось в дальнем углу: пол с потолком соединяла спиральная лестница из кованого металла, перила которой завершались мощной львиной лапой. Для чего понадобилось это сооружение, ведущее в никуда, догадаться было не по силам даже сыскной полиции. Быть может, все тот же архитектор замахнулся на второй этаж, а потом бросил и от лени накрыл чердаком.

Где-то в отдалении тикали часы. Всхлипы утихли. Бородин гостеприимно выжидал, пока Ванзаров осмотрится и принюхается, лишь любопытство-

вал: угодно ли собрать всех в одном месте? Родиону было угодно как раз обратное. Он просил отвести его в комнату кухарки. Но Нил Нилыч, смутившись, предложил начать с маменьки: неудобно не представить хозяйке дома гостя, хоть и приятного во всех отношениях, но все-таки. И не дожидаясь согласия, нырнул в ближайшую дверь, из которой почти сразу выплыло передвижное сооружение на скрипящих колесиках.

Родион торопливо поклонился. А когда выпрямился, был сражен открывшимся зрелищем. На величественную спинку кресла из старинного резного дуба, увенчанную двумя сферами с символами Зодиака, опиралась дама удивительной красоты. С такого лица картины писать бы — истинное воплощение родины-матери вообще и материнства в частности. Дама была в годах, но сколько этих лет ею прожито, казалось совершенно неважным. Удивительным образом она сохранила обаяние молодости, чистоту кожи, ясность взгляда и спокойную мудрость женщины, пожившей и знающей в этой жизни немало. Назвать ее пожилой, а уж тем более старухой язык не повернулся бы: прямая спина и золотистый отлив аккуратной прически без единой искорки седины.

Ванзаров оказался не в состоянии составить мгновенный портрет, потому что и так было очевидно: госпожа Бородина исключительная женщина. Нестерпимо захотелось положить голову ей на колени, чтобы погладила и назвала Родиошу «хорошим маль-

чиком». Да и сам матерый бильярдист будто уменьшился ростом, став маленьким, послушным мальчиком. Хотя ничего такого на самом деле не происходило: Нил всего лишь покорно ждал за спинкой стула-коляски. Сооружение тоже нерядовое: вместо привычного инвалидного кресла к старинному стулу приделали четыре колеса-валика и площадку для ног, в результате чего мебель отдаленно смахивала на детскую игрушку — коня на колесиках.

Отогнав наваждение, чиновник полиции выслушал, как его представил Бородин, и еще раз поклонился. Дама ответила такой теплой и нечеловечески доброй улыбкой, что Родиону потребовалась вся сила воли, чтобы не растечься сиропом.

— Очень приятно, Филомена Платоновна, — сказала она голосом, пропитанным материнским теплом, как губка мылом. Редко, когда имя¹ настолько точно отражало внешний образ персоны. За сладостным туманом нельзя было не заметить ее глаза цвета морской волны.

— Кажется, Родиону Георгиевичу хочется узнать, сколько мне лет.

Чиновник полиции стал отнекиваться, но его просили не церемониться.

— Не больше пятидесяти... — выдавил он.

Его наградили самой материнской из всех улыбок этого мира:

¹ Полная любви (*греч.*).

— Как нехорошо обманывать... Но все равно спасибо за комплимент: мне шестьдесят три, молодой человек.

И ему протянули руку для поцелуя!

Касаясь губами тонкой, почти девичьей кожи, Ванзаров ощутил волнуемый аромат духов, какие женщина использует для соблазнения. Шальные мысли, залетевшие ему в голову, мы оставим без комментариев.

Вполне овладев собой, Ванзаров сумел вернуться к делу.

— Я вряд ли могу быть полезна, — печально сообщила Филомена Платоновна.

— Маменька не может передвигаться без посторонней помощи, — вставил Бородин.

— Нилушка, зачем эти подробности... Он славный мальчик, не правда ли? Я воспитала его добрым, чутким, отзывчивым. Его любят и ценят в обществе. И сам он всегда готов помочь любому. Недаром кормила его грудью до пяти лет...

— Маменька!

Взрослый мужчина зарделся, как шаловливый мальчуган. Родион хорошо понял состояние мужчины в два раза старше его: и с ним проделывали подобный фокус родительской любви и нежности, от которой хотелось провалиться или повеситься тут же при гостях.

— В этом нет ничего постыдного. Ребенок, выросший на материнском молоке, здоровее и добрее

прочих. Он так долго не мог оторваться от моей груди.

— Ну маменька!!!

— Так, что происходило нынче утром? — Чиновник полиции принялся спасать остатки мужского достоинства бильярдиста.

— Эту ночь, как и все прочие, я спала плохо, почти совсем не сомкнула глаз. От духоты не спасали и открытые окна. Забылась тяжелым, мучительным сном только под утро. Внезапно меня разбудил чей-то пронзительный крик. Я позвала, но ко мне никто не явился. Крики продолжались, слышался голос Аглаи и рыдания Антонины, но я не знала, что случилось, и самые черные мысли уже овладели мной. Я вся извелась, пока не появился Нилушка и не объяснил происшествие.

Ванзарову показалось, что ему зачитали вслух какой-то сентиментальный роман. Или так бывает со старыми людьми?

— Насколько понимаю, окна вашей спальни выходят на правую сторону дома, где эркер, — спросил он. — Кто-нибудь проходил утром?

— Ах нет. Я никого не замечала.

— Что может означать появление у вас на заднем дворе гл... — Родион осекся под страшным взглядом заботливого сына, — все это происшествие?

— Ума не приложу, — неожиданно резко сказала госпожа Бородина. — Думаю, чья-то очень жестокая и глупая шутка.

— И все же предложили обратиться в полицию...

— Нет, Нилушка настоял. Я отговаривала, но мой мальчик не послушался.

— Прошу прощения, Филомена Платоновна, что вынужден спросить, но это мой долг. У вашей семьи есть в прошлом некие тайны, о которых кто-то захотел напомнить подобным образом?

— Нет. Никаких тайн нет и быть не может, — ответила дама строго. — Мы простая и открытая семья. Помогаем, чем можем, бедным и не задираем нос. В нас нет дворянской спеси. Деньги моего мужа не сделали нас хуже или злее. Надеюсь, господин сыщик, вы мне верите?

— Я чиновник полиции, мадам.

— Тем лучше. Желаю вам скорее же разыскать шутника и примерно наказать его... Нил, отвези меня.

Деревянное сооружение удалилось под благородный скрип. Вернувшись из спальни, Бородин тяжело вздохнул, словно делился с таким же любимым сыном только им понятной бедой.

— У маменьки отказали ноги, — оправдываясь, сказал он. — Что только не делали: и докторам показывали, и на воды в Будапешт возили, — ничего не помогает.

— Давно это случилось?

— Уже года три... Желаете допросить Тоньку?

— Я зашел бы к Аглае.

Бородин послушно направился к двери комнаты, соседней с материнской спальней, вежливо стукнул и крикнул в створку:

— Нянюшка, к тебе можно?

Ему никто не ответил.

— Тут полицейский чиновник, господин Ванзаров, хочет кое о чем расспросить. Впусти нас...

В двери расползлась узкая щелка, из которой стремительно выскочило нечто в черном и тут же захлопнуло за собой дверь.

— Нечего там делать, — сказал хриплый старческий голос.

Нил Нилыч отошел в сторону. На Ванзарова уставились черные слезящиеся глаза, как будто выпиравшие из лица, перепуханного морщинами. Старые патлы выбивались из-под косынки, повязанной в спешке. Старушка, а вернее сказать бабка, если пожалеть слов «баба-яга» или «ведьма», казалась озлобленным хорьком, у которого от бессильной ярости шерсть встала дыбом. Хотя шерсти на сгорбленном загривке, конечно, не просматривалось. Мерзкое создание, на вид — глубоко за семьдесят, выглядело полным сил. Или, во всяком случае, способным вцепиться длинными когтями, то есть, конечно, ногтями, в лицо гостя. Такой нянькой только в страшной сказке пугать. Между тем Нил посматривал на нее с тихим обожанием. Да, ко всему привыкнуть можно...

— Так и будем в смотрелки играть? — прорычала Аглаюшка. — Что вам угодно? Зачем пришли?

Изобразив строгое достоинство, которому и дела нет до вздорных старушек, чиновник полиции официально спросил:

— Что можете сообщить об утреннем происшествии?

— Нечего сообщать.

— Но ведь вы...

— Тонька, дура, крик подняла, всех разбудила, а то бы... — Что бы случилось при другом развитии событий, Аглая не сказала. Зато строго уставилась на Бородина.

Нил Нилыч как-то сразу заторопился, указал, где комната кухарки, и героически смылся.

Ванзаров уже собрался продолжить приятную беседу, как вдруг старушка резво подскочила и, шипя, процедила:

— Убирайтесь-ка отсюда, господин хороший. Нечего тут делать. Сами разберемся. И нос совать нечего. Тут дела семейные.

— Неужели?

— И шутить со мной не вздумай! Ишь, гусь выискался!

С вредной птицей Родиона сравнивали в первый раз, все больше с мишкой или с бычком. От досады за попранное достоинство не сдержался.

— Извольте взять должную манеру! — гаркнул он. — Я вам не мальчик, а чиновник полиции для особых поручений. Не какой-нибудь там сыщик, а лицо официальное. И требую отвечать, когда спрашиваю. А то быстро продолжим в участке.

Вся эта мальчишеская тирада не произвела на Аглаю ровно никакого впечатления. И морщинка не

дрогнула, буравила водянистыми зенками непрошеного субъекта. Только ответила почти ласково:

— Миленький, пугать меня не надо, я уже ничего не боюсь. Подобрю тебе советую: не суйся, ничего, кроме грязи, тут нет, уж поверь мне. Сами разберемся.

— О каком семейном проклятии упоминали? — упрямо спросил Родион.

— Послушался бы меня Нилушка, не поскакал в полицию, так и затихло бы все. Само собою бы разошлось, как волны в пруду... Показалось ему, что-то болтала с испуга, даже сама не помню.

— Про какой рок вам известно?

— Не буди ты лиха, мил-человек... Нечего тут делать посторонним. Что можешь знать о жизни, мальчик, усы-то велики, да только на них молоко еще не обсохло. Куда суешься, птенчик, сначала хоть женского тела познай... Эх ты, герой... Того гляди накличешь беду, поверь моему слову, и уж тогда поздно будет. — И, оборвав разговор, Аглая скрылась под сухой хлопок двери.

А вот чиновник сысской полиции, утершись, что называется, и подобрав осколки профессиональной гордости, а вместе с ней и мужской, направился в другую сторону — в вытекавший из большой гостиной узкий коридорчик. Там обнаружилась еще пара дверей. Из одной отчетливо тянуло дымом дешевых папирос. Около другой обозначилась лужа крыжовенного варенья. Стараясь не влипнуть, Ванзаров издал церемонный стук и сразу распахнул створку.

На узкой кровати, застланной цветастым одеялом, сидела барышня не старше тридцати, бесцельно уставившись в неведомую точку на стене. На гостя и бровью не повела. Родион решил было, что ошибся и попал в комнату горничной, но фартук, разукрашенный вареньем, и проем, в котором виднелась кухня, подсказали.

Кухарка в этом доме, прямо сказать, была странной. Обычная столичная повариха — дородная баба из ближайших губерний, простая, розовощекая, с грубыми красными пальцами, с двумя, а то и тремя подбородками. Тонька же выглядела барышней из бедной, но приличной семьи, с правильными чертами лица, худыми пальцами и вполне стройной талией. Мгновенный портрет говорил, что девушка может быть образованной, умной, хотя и немного замкнутой. К образу прислуги прямое отношение имел только платок, стягивающий щеку, слегка припухшую.

— Зуб болит? — участливо спросил Ванзаров.

— Болит, — равнодушно ответила Тонька, не одарив взглядом. На этом общение закончилось. Сколько ни пытался Родион разговорить, как ни подъезжал с разных сторон, как ни подлизывался и ни пробовал слегка угрожать, девушка отвечала упорным молчанием. С неменьшим успехом можно было общаться с тазиком или банкой. Потеряв терпение, чиновник полиции оставил и это поле боя, с досады чуть не угодив в лужу варенья.

В соседней комнате ждало очередное открытие. Сложив ботинки на хлипкий столик, а сам привольно развалившись в плетеном кресле, пускал дым в потолок, за неимением окон, молодой человек щуплого телосложения, растрепанного вида и худощаво-романтической внешности. Угадать в нем лакея могла только буйная фантазия.

Вошедшего чиновника полиции окинули равнодушным, если не сказать брезгливым взглядом, зад от сиденья не оторвали, а каблуков со столика не сняли. Кажется, гость изнеженное существо не беспокоил. И даже узнав, что перед ним чиновник полиции, Орест Иванович, именно так звали прислугу, переложил папироску в левый уголок губ. И только.

подавив желание взять за шиворот и встряхнуть наглеца так, чтоб подавился папироской, Родион вежливо спросил, что может сообщить о происшествии. Оказалось, юноша был разбужен криками. Когда изволил выйти во двор, там уже находились Тонька, Аглая и Нил Нилыч. Так что для следствия совершенно бесполезен. Единственный обитатель дома, на которого явление глаза не произвело никакого впечатления. Одно из двух: или туповат до неприличия, или цинично равнодушен. Что, в общем, одно и то же.

— Почему в доме так грязно и не метено? Пыль кругом, крошки на полу в гостиной? — строго спросил Ванзаров.

На него уставились удивленные светло-карие глаза.

— Я что, горничная, что ли, за всеми убирать?

И гордый лакей выпустил облако дыма.

Вдохнув напоследок аромат дешевых папиросок, Родион вернулся в большую гостиную. Там уже поджидал Бородин. Судя по невинно-неприступному виду, дело с конем закончилось вполне успешно. Настолько, что фиакр виднелся на прежнем месте. Нил Нилыч блестяще улыбнулся:

— Ну как, уже нашли разгадку?

— Мне посоветовали не вмешиваться в ваши семейные дела.

— Ай, ну, конечно, няня! — Нил отмахнулся, словно от осы. — Вечно в каких-то страхах и сомнениях пребывает. Не слушайте ее. Я здесь хозяин.

Не рискнув сомневаться в этом вслух, Ванзаров сказал:

— Надо допросить еще одного свидетеля.

— Это кого же? — удивился Бородин. — В доме больше никого нет.

• 9 •

Чиновники полиции, имеющие счастье служить в 4-м участке Казанской части, были завалены делами сверх всякой меры. Так были заняты, что им в рот кусок не лез. Конечно, куда там лезть после трех чайников чая, выпитых с утра. А еще рты коллежского регистратора Матько и губернского секретаря

Редера были заняты наиважнейшей проблемой, а именно – обсуждением домашних способов заготовки варенья. Матько, господин с большой плешью и маленькой мордочкой, настаивал, что сахара полагается сыпать одну часть к двум частям ягод. Его же сухощавый коллега бился до последнего за самый правильный рецепт: часть на часть.

Борцы за сладкое счастье так и провели бы присутственное время в приятном поединке, если бы колокольчик не звякнул и перед загородкой из дубовых перил, защищавшей посетителей от полиции, не возникла бы высокая тощая фигура в тирольской шляпке и добротном костюме в шотландскую клетку. Вид посетительницы внушал желание схватить ружье и отстреливаться до последнего или, на худой конец, заявив, что приемный день окончен, сбежать подальше. Назвать барышню страшной язык не повернулся бы. Она была восхитительно страшна. Особенно редкая деталь на лице. Но об этом после.

Не высказав и доли почтительности, потребовала пристава, отчетливо коверкая слова акцентом. Матько и Редер были так поражены зрелищем чужестранки, что не нашли сил помучить посетительницу вопросами из разряда «по какому делу», а сразу дали знать подполковнику.

Желудь принял гостью, уже зная, что его ожидает. Но как только дама представилась официально, не поверил в такое несчастье. Оказалось, дама вовсе не

частное лицо, а очень даже официальное. Направлена в Петербург по столь важному поручению, что имеет ходатайство из высших сфер. Желудь немедленно потребовал бумагу. Прочитав гербовое послание, Савелий Игнатьевич понял: доброжелательные коллеги опять состряпали гадость.

А дело было вот в чем. Как известно, министерства разных стран обожают дружить. Для чего направляют лучших специалистов для обмена опытом. Что и случилось. Получив шар из канцелярии Министерства внутренних дел, чиновники Врачебно-санитарного комитета ударили им в Департамент полиции. Департамент полиции загнал шар в городскую управу, городская управа дала штос одному из полицеймейстеров, а тот метким ударом отправил шар в 4-й участок Казанской части. Приставу деваться было некуда, свободных лунок не осталось. Но оставалась последняя надежда.

— Официальное прошение имеется? — вежливо спросил он.

Барышня выложила бумагу.

— Позвольте ходатайство Министерства иностранных дел...

И это ему предоставили.

— Мне, право, неловко, но нельзя без ходатайства Министерства внутренних дел...

И оно, к несчастью, имелось.

— Хотелось бы взглянуть на рекомендательное письмо от вашего начальства...

Что за напасть! И это имелось. Сразу видно: мерзавка уже походила по кругам российского бюрократического ада.

— Великолепно... — совсем пал духом Желудь. — А паспорт с отметкой о пересечении границы и регистрации в паспортном столе Петербурга?

Из сумочки явился последний убийственный аргумент. Пристав сдался. Развернув гостеприимство по полной, сообщил, что сердечно рад такому визиту и всей душой хотел бы помочь, да вот беда: чиновников совсем нет, столько дел, столько дел. Впрочем...

Тут Желудю пришла светлая мысль, что следовало отметить в календаре как редкий праздник. А ведь имеется в его команде некий чиновник, как раз удобнее не придумаешь. И дерзок, и своенравен, и прыток, и выскочка, и правил неписанных не признает, и что хуже всего — умен, собака, и везуч: умеет ловить настоящих убийц. Того и глядишь, обскачет Самого. Вот кому можно доставить удовольствие.

Савелий Игнатьевич приободрился и метким ударом от двух бортов загнал шар в последнюю лузу.

• 10 •

Нил Нилыч терпеливо выжидал. Но чиновник полиции обладал прямо-таки железным терпением. А еще взглядом таким многозначительным.

— Уж не меня ли имеете в виду?

Родион благодарно хмыкнул.